

Феоктист: Каждый живет там, где ощущается его деятельность <...>».⁴⁶

Если сопоставить приведенные отрывки из «Философских фрагментов и диалогов» с письмом Достоевского к Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 г., то станет ясно, что писатель пересказал именно эти суждения Ренана, хотя и приблизил их к собственному толкованию этих же вопросов в записи 1863 г. от 16 апреля.

«Философские фрагменты и диалоги» Ренана, как и другие сочинения этого автора, были известны в России. Так, в 1878 г. Михайловский посвятил этой книге статью «Утопия Ренана и теория автономии личности Дюринга», напечатанную в августе и сентябре в «Отечественных записках».

Таким образом, к перечисленным выше работам Ренана: «Essais de morale et de critique» (1859), «Жизнь Иисуса» (1863), «Questions contemporaines» (1869), «La réforme intellectuelle et morale» (1872), которые Достоевский читал сам или был знаком с ними по статьям П. Страхова, следует добавить еще и «Философские фрагменты и диалоги» (1876).

Устойчивый интерес Достоевского к Ренану определялся, вероятно, несколькими причинами.

Ренан был одним из самых популярных авторов 1860—1870-х гг., ибо в своих сочинениях, написанных живым, образным языком, касался животрепещущих общественных и политических проблем европейской действительности. Книжки Ренана, для которых характерны парочито парадоксальные повороты мысли, неизменно вызвали полемику, в которую втягивался и Достоевский. Некоторые аспекты мировосприятия Ренана были близки Достоевскому (отношение к личности Христа, антибуржуазная позиция, вера в торжество нравственного принципа в историческом прогрессе), но чаще автор «Иисуса Христа» касался тех же болезненных вопросов, над разрешением которых бился и русский писатель («бессмертие индивида», соотношение цивилизации и веры, социальная структура общества). Анализируя аргументы Ренана, споря с ним или соглашаясь, Достоевский искал путь преодоления общественного зла исходя из особенностей русской жизни и из веры в силу нравственного идеала народа.

⁴⁶ Цит. по: Ренан Э. Философские диалоги. Жрец Немийский. Одесса, 1919, с. 76—79.

Т. Г. МОРОЗОВА

РАССКАЗ В. Г. КОРОЛЕНКО «АТ-ДАВАН» И ТРАДИЦИИ ДОСТОЕВСКОГО¹

1

«Ат-Даван» — единственное произведение В. Г. Короленко, главным героем которого является мелкий чиновник.²

Превосходный знаток русской классической литературы, Короленко отлично понимал, что обращается к теме, приобретшей в свое время особую значительность. Опираясь на типический образ мелкого чиновника, каким он сложился в русской передовой литературе прошлого, Короленко задумал дать решение старой темы в свете требований новой эпохи. В наибольшей степени его замыслам отвечал художественный опыт Достоевского. Из множества мотивов, которые вели Короленко к автору «Бедных людей», главным была та острота, с какой в творчестве Достоевского ставилась проблема бунта и смирения — стержневая для рассказа «Ат-Даван». Между маленьким рассказом Короленко и существенными чертами творчества великого романиста несомненно глубокая внутренняя связь. И не случайно в нашем литературоведении уже были попытки сближать «Ат-Даван» с творчеством Достоевского, правда в самой общей форме. Так, П. К. Пиксанов писал об этом рассказе: «Быт и психология разночинцев-чиновников зарисованы здесь скупо, но необычайно рельефно, в манере Достоевского».³

Сходного мнения придерживался и Андрей Платонов. «Образ Кругликова, — утверждал он, — почти до самого конца рассказа трактуется примерно так же, как бы его трактовал Достоевский».⁴

Мы ставим перед собой задачу в конкретном анализе характера героя, построения конфликта, сюжета, композиции, системы

¹ Статья печатается в сокращении.

² Рассказ впервые опубликован: Русское богатство, 1892, № 10, с. 1—38.

³ См.: Короленко В. Г. 1) Избранные произведения. М.—Л., 1926, с. 48; 2) Избранные соч. Изд. 2-е. Л., 1935, с. 679.

⁴ Детская литература, 1940, № 11—12, с. 91 (подпись: Ф. Человеков).

персонажей, идейной направленности произведения выяснить, в каком соотношении с литературной традицией, главным образом с творчеством Достоевского, стоит рассказ Короленко о мелком чиновнике — «Ат-Даван».

2

Этико-философской предпосылкой близости творчества Короленко и Достоевского была гуманистическая идея — принципиальное утверждение великой ценности человеческой личности. Выдвинутая передовой мыслью эпохи, эта идея породила и общес для обоих писателей сочувственное внимание к униженным и обездоленным, которое делало Короленко уже в глазах его современников преемником Достоевского.⁵ Из этой идеи возникла и определенная концепция человеческой личности — личности маленького человека в частности, отражающая веру в человека, в его потенциальные возможности.

Определяющей чертой психики «маленького человека», как она разработана в творчестве Достоевского, Короленко считал двойственность. Короленко четко улавливал несколько основных характеров, построенных Достоевским на сочетании контрастных черт, каждый из которых по-своему воплощает гуманистическую концепцию личности. В основе одного из них лежит контраст между внешней незначительностью и возвышенным, прекрасным, тающимся в душе человека. На этом контрастном сочетании у Достоевского построены образы персонажей «Бедных людей» — Девушкина и старика Покровского.

Контрастное сочетание внешней заурядности и внутренних потенций человека — чрезвычайно важная сторона и в структуре характера героя «Ат-Давана».

Основным выражением высокого, «человеческого» у героя первого романа Достоевского была его самоотверженная и поистине великая любовь. Эта форма проявления внутренней значительности занимает важнейшее место и в рассказе Короленко. Одним словом, в разработке личности героя «Ат-Давана» сохранена основная идея, характеризующая мелкого чиновника в изображении Достоевского, подчеркнутая известным замечанием Белинского: «...он, в лице Макара Алексеевича, показал нам, как много прекрасного, благородного и святого лежит в самой ограниченной человеческой натуре».⁶

Второе контрастное сочетание в психике мелкого чиновника — сочетание робкой приращенности, самоуничижения, с одной стороны, и жажды самоутверждения, протестующих начал его

души — с другой. С наибольшей силой это сочетание запечатлено Достоевским в повести «Двойник».

О том, как глубоко понял Короленко двойственность души мелкого чиновника, гениально вскрытую в «Двойнике», свидетельствует статья «Современная самозванщина»,⁷ ряд страниц которой посвящен Голядкину. С большим проникновением в сущность трагедии «злополучного титулярного советника» Короленко пишет о «жгучей боли личности, затоптанной, униженной и оскорбленной» и о бесплодных потугах «маленького человека» доказать, «что и в нем такая же человеческая личность», «как у всех».⁸

Психологию «двойничества», запечатленную в повести Достоевского, Короленко считал глубоко типической для русской действительности не только мишущего, но и своего времени. «В рассказе Достоевского, — пишет он, — яд, отравляющий многие русские души, дан в ужасающе-концентрированном виде <...> Рефлектирующий и совершенно слабый Голядкин изнывает уже прямо в болезни раздвоения личности <...> Но, — заключает писатель, — яд, отравляющий Голядкиных и Поприциных, разлит в нашей атмосфере, им отравлены и мы с вами, читатель, и наши с вами добрые знакомые».⁹

Психология «двойничества» — важнейшая линия в раскрытии личности мелкого чиновника и в рассказе «Ат-Даван». Она проведена через все произведение и является решающей в центральных его эпизодах. Этой стороной рассказ Короленко ближе соприкасается именно с повестью «Двойник», хотя и в первом романе Достоевского имеют место колебания героя между самоуничижением и самоутверждением.

Героям Достоевского присуща особая форма самоутверждения — соотношение себя с другими. Короленко подметил эту своеобразную черту чиновников Достоевского. Так, о Голядкине мы читаем: «...он ощущает мучительно и глубоко отсутствие собственной личности. Он, правда, пытается обмануть себя, что он — как и все, что он у себя, что развлечения у него, как у всех... что он, сколько ему кажется, не хуже других...».¹⁰

Хотя герой Короленко Кругликов в отличие от Голядкина человек психически здоровый, но и ему присвоена та же форма самоутверждения: «Что, думаю, ему в самом-то деле надо много смеяться? Чем же я хуже других — прочих женихов...».¹¹

Третье сочетание противоречивых свойств в личности мелкого чиновника запечатлено Достоевским в повести «Слабое сердце»: нежное и серьезное чувство и отсутствие сил отстоять свое ста-

⁷ Русское богатство, 1896, № 8, отд. II, с. 119—154.

⁸ Короленко В. Г. Полн. собр. соч., т. 3. СПб., 1914, с. 333, 358, 359.

⁹ Там же, с. 362, 363.

¹⁰ Там же, с. 359. — Курсив мой, — Т. М.

¹¹ Короленко В. Г. Собр. соч., т. 1. М., 1953, с. 298. — Курсив мой, — Т. М. Далее ссылки на текст рассказа даются по этому изданию.

⁵ См.: Русское дело, 1888, № 2, 10 января (статья А. Александрова); Северный вестник, 1889, № 5 (статья Д. Мережковского).

⁶ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. IX. М., 1955, с. 554.

стве.¹² И несмотря на то что и Девушкин, и Голядкин тоже «слабые сердцем», наиболее близок герою Короленко Васе Кругликову герой «Слабого сердца» Вася Шумков. Их сближает не только имя и возраст, но и противоречие, лежащее в основе характера.

В образе героя Короленко слиты все три линии, но акцент сделан на волевых, активных сторонах личности. Характер мелкого чиновника приобретает новый аспект: *недостаточно наличие возвышенных эмоций и благородных стремлений; надо быть способным защитить свои чувства, свою личность, утвердить свое человеческое и гражданское достоинство — проявить активные стороны характера.* Такой аспект характера мелкого чиновника знаменовал новую ступень в разработке старой темы.

3

Выбранный Короленко аспект личности героя требовал соответствующей остроты конфликта и построения такого сюжета, который не закрывал бы перед героем возможности действовать.

Так же как это делал Достоевский, Короленко ставит своего героя в острую конфликтную ситуацию — в совершенно явных целях испытания. Но «испытывает» он не «идею и человека идеи», как Достоевский, а *характер «маленького человека»*, его способность к сопротивлению. Другими словами, конфликт в «Ат-Даване» развернут так, что исход его должен решиться не только силой вещей, но и позицией, которую займет в создавшихся обстоятельствах герой.

Поэтому если Пушкина и Гоголя интересует по преимуществу жизненное *положение* «маленького человека», его горькая судьба в обществе, основанном на социальном неравенстве, если повсюду Достоевского заключалось в глубоком раскрытии психологии «маленького человека», его *сознания*, то в центре внимания Короленко стоит *поведение* героя, его способность противостоять давлению внешних обстоятельств общего или частного порядка.

Разумеется, все три стороны в произведениях названных выше авторов органически взаимосвязаны. Суть в преобладающем идейно-художественном интересе автора.

При явной социальной окраске произведения в целом основной конфликт в «Ат-Даване» возникает не на почве социального неравенства. Герой рассказа — не «бедный чиновник». Конфликт в «Ат-Даване» сосредоточен главным образом в сфере официаль-

¹² Еще об одном сочетании противоречивых свойств души человека в мире Достоевского — о сочетании зла и «изгибов доброты» — Короленко писал в дневнике 24 октября 1888 г. (см.: Короленко В. Г. Дневник, т. 1. Полтава, 1925, с. 177—178 (Полн. собр. соч. Посмертное изд.)).

ных служебных соотношений: соотношений чина и служебного положения.

Развернут этот конфликт в двух разных, но связанных друг с другом сюжетах, из которых один обрамляет другой. Первый дан в рассказе героя о пережитой в молодости личной драме, однако сопряженной со служебным подчинением. Начальник Кругликова, статский советник Латкин, решил под угрозой служебного воздействия заставить его отказаться от любимой девушки. Это — предыстория героя и предпосылка второго сюжета. Условимся называть этот сюжет первым эпизодом. Его действие протекало, очевидно, в 50-х гг. В период этой истории Кругликов — младший современник героев Гоголя и первых романов Достоевского.

Второй сюжет (условимся называть его вторым эпизодом), развертывающийся много лет спустя после первого, очевидно в 80-х гг., на станке Ат-Даван, куда Кругликов попал в качестве станционного писаря, является по своей значительности главным. Кругликов должен теперь проявить себя не в защите своих личных прав, а в полном смысле слова в области служебных отношений. Содержание этого эпизода составляет столкновение с грозным «адъютантом его превосходительства» — Арабиным, который вел себя на станциях «как человек, на единичные усилия которого возложено усмирение буйствующего края. Врывался, как ураган, бушевал, наводил панический ужас, грозил пистолетом и... забывал всюду платить курьерские прогоны» (286).

Впервые в русской литературе «маленький человек» выступает на арене служебной деятельности в таком столкновении, в котором должно проявиться его гражданское мужество.

Своеобразие конфликта в рассказе Короленко состоит также в том, что мелкий чиновник сталкивается не просто со «значительными лицами», но с проявлением *начальственного произвола, нарушениями законности, превышениями прав своего положения.*

Латкин и Арабин у Короленко — воплощение того режима произвола и насилий, которыми характеризовался самодержавно-бюрократический строй России. И не случайно один из персонажей рассказа, неодобрительно оценивший поведение Кругликова в его конфликте с начальством, восклицает: «Дело политическое!» (291).

Белинский провозгласил первое произведение Достоевского «попыткой у нас социального романа».¹³ При всей общественной содержательности рассказа Короленко построение его конфликта существенно отличает его от произведений предшественников, разрабатывавших тему мелкого чиновника. Помимо своеобразной «двухактности» конфликта, критическая сторона произведения действительно имеет не социальную, но главным образом *политическую направленность.*

¹³ Аняевков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 282. — Курсив мой, — Т. М.

Развитие основного конфликта в «Ат-Даване» — между человеком и внешним миром — пробуждает *внутренний конфликт* — борьбу двух начал в личности маленького человека: смиренной покорности и стремлений к противоборству. Какое начало возьмет верх — покорится ли герой обстоятельствам или вступит с ними в борьбу — это в значительной мере определит разрешение основного конфликта.

В первоначальных вариантах «Ат-Давана», где замысел автора проступает обнаженной, вопрос, какое начало победит, намечен с величайшей прямолинейностью. Так, в «Наброске драмы» — самом раннем варианте «Ат-Давана» — студент-соцстезевник называет героя Молчалиным.¹⁴ «Обозначились, Кусакин», — возражает молодая девушка. «Не обозначился», — заявляет студент. Настоящая фамилия героя наполнена противоположным значением. Не подсказана ли она словами Гоголя о Башмачкине: «...он был то, что называют вечный титулярный советник, над которым, как известно, патрунились и наострились вдоволь разные писатели, имеющие похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут *кусаться*».¹⁵ В ходе действия и должен решиться спор: кто же герой — Молчалин или Кусакин?

В окончательном тексте «Ат-Давана» также содержится ряд моментов, служащих проверке характера героя.

Самым ярким из них является мотив литературного чтения. И он настойчиво ведет нас в мир Достоевского, в романах которого большую идейно-композиционную роль играет чтение его героями тех или иных литературных произведений прошлого. Наибольший интерес в данном случае представляет для нас «литературный эпизод» в «Двойнике». Именно его построение, как нам кажется, своеобразно использовано в рассказе «Ат-Даван».

Тот трагический момент в истории Голядкина, когда герой дрожит под проливным дождем во дворе Берендеева в ожидании «знака» от Клары Олсуфьевны, изображен под своеобразный аккомпанемент мотивов сентиментально-романтической любовной поэзии на тему о тайном похищении. Тут и шелковая лестница, и испанские серенады, и розовая ленточка на окне, и хижина на берегу моря. Создается как бы два плана происходящего: один — фантастический, повторяющий литературную романтическую ситуацию и существующий в полубредовом сознании Голядкина, но приписываемый им Кларе Олсуфьевне; другой — реальный с печальным для героя финалом — отправкой его в больницу. Этим мысленным диалогом, который Голядкин, сидя за дровами,

¹⁴ По свидетельству Вл. Ив. Немировича-Данченко, «у молодежи шестидесятых и семидесятых годов Молчалин был самой бранной кличкой» (Грибоедов в русской критике. М., 1954, с. 293).

¹⁵ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. III. Л., 1938, с. 142. — Курсив мой, — Т. М.

ведет с Klarой Олсуфьевной («... в хижине, сударыня вы моя, в наш век никто не живет...», «... розовая ленточка... ночью при Санкт-Петербургском климате... в дело идти не могла...» и т. д.), намечен резкий разрыв между литературными образами, всплывающими в сознании Голядкина, и реальностью жизненной прозы. Возникает своеобразное впечатление, новыми средствами выражающее двойственность сознания Голядкина и горько-иронически вскрывающее подлинные законы современной жестокой и пошлой действительности.

Для своих героев Короленко, так же как и в «Двойнике», выбрал произведение романтически окрашенные, далекие от современной жизни. «... Гуаки там, рыцари разные, Францыль Венедиян, — чувствительные истории!» — вспоминает Круликов.

Чтение авантюрно-рыцарских романов лубочного характера, несмотря на их примитивность, создает героям особый мирок, с высокими нормами любви, верности, рыцарского бесстрашия. Оно позволяет построить противопоставление, аналогичное намеченному автором «Двойника»: сказочно-героический мир книги и прозаичность современной реальной жизни. Погруженность в романы создает и «двойное» восприятие фактов обыденной жизни. При этом романтически-героическое, книжное представление окружающего, как и в «Двойнике», поручено героине, а «перебивающее» его трезвое, спяжающее, соответствующее действительности, принадлежит герою.

«— Видишь, — говорит Раиса Павловна во время одной из прогулок по Кронштадту, — вон у маяка парусик бежит?»

— Вижу, бриг из-за границы идет.

— А что, говорит, может, на этом корабле пират едет: кинется, вдруг, город спалит, тебе копьём грудь пронзит, меня в плен...

— Что ты, бог с тобой! Это бриг идет голландский или там английской, с хлопком. Мало ли их, английских этих, и сейчас по улицам ходит. Конечно, буянят иной раз, так ведь и в участок не долго...

— Да, — говорит и Рая, — наша жизнь есть совсем другая... (295—296).

Рассказывая жениху о прочитанном, Раиса Павловна прямо сопоставляет их отношения с книгой: «Вот, Васенька... какие на свете бывали любовники... Вот бы и нам с тобой этак же. *Можешь ли ты в испытании, например, верность сохранить?* Вдруг бы ко мне какой-нибудь свирепый сераскир присватался?»

Ну, я, конечно, со своей стороны:

— Могу-то я могу, да только ведь нам, говорю, не к чему, если нас хоть завтра по родительскому приказу в соборе обвенчают...» (295. Курсив мой, — Т. М.)

Но когда на горизонте появился генерал, Раиса Павловна напоминает Круликову: «Вот оно по-моему и вышло; свирепый-то сераскир — ведь это, говорит, сам Латкин и есть» (299).

Но если у Достоевского сходная параллель раскрывает безнадежный разрыв между романтической поэзией и прозой жизни и весь мысленный диалог Голядкина звучит саркастической иронией, то в рассказе Короленко соотношение двух миров — книжного и реального — ставит вопрос о возможности и формах героического в современной жизни, усиливает испытание «маленького человека» на стойкость и героизм. Перейдут ли в действие рыцарские чувства — и покажет дальнейшее развитие сюжета.

«Суровый поэт униженных и оскорбленных», как назвал Достоевского Короленко в статье «Современная самозванщина»,¹⁶ попираание личности человека чаще всего разрабатывает в форме *унижения человека*, надругательства над его человеческим достоинством. Трудно назвать произведение Достоевского, в котором мотив унижения не звучал бы как один из важнейших. В этом смысле название романа «Униженные и оскорбленные» символично по отношению ко всему его творчеству.

Короленко часто изображал обездоленных. Но мотив издевательства над личностью человека встречается у него крайне редко. В рассказе же «Ат-Даван» мотив унижения человеческого достоинства входит в самое ядро сюжета, в развитие конфликта, в центральные сцены и первого, и второго «эпизодов». Наличие этого мотива — серьезное основание для сближения рассказа Короленко с творчеством Достоевского. Но в романе «Идиот» мы находим и конкретный эпизод, с которым может быть прямо соотнесен самый драматичный момент рассказа «Ат-Даван».

В одном месте романа Рогожин передает такой свой разговор с Настасьей Филипповной: «Я ее тогда однажды взял, да и говорю: „Ты под венец со мной обещалась, в честную семью вступишь, а знаешь ты теперь кто такая? Ты, говорю, вот какая!“ <...> — „Я тебя, говорит, теперь и в лакеи-то себе, может, взять не захочу, не то что женой твоей быть“» (8, 175).

Рассказав далее, как Настасья Филипповна принялась «шпынять» его, Рогожин приводит ее слова: «Все-таки ты не лакей; я прежде думала, что ты сверхенный, как есть, лакей» (8, 177).

Когда генерал в рассказе Короленко по требованию героини, не верившей измене жениха (а ее в сущности и не было), привез Кругликова засвидетельствовать готовность уступить ее, происходит следующая сцена, в которой, как нам кажется, своеобразно претворен приведенный выше разговор Настасьи Филипповны с Рогожиным. Кругликов рассказывает: «Ну, стал я у порога, а генерал к ручке подошел. „Вот, говорит, вы, королева моя, сомневались, а он и приехал!“

Приподнялась она, оперлась руками на столик, глядит на

меня, будто узнать не может. Генерал тоже повернулся, смотрят оба, а я... стою в Райной комнате... у порога-с.

— „Васенька“, — хотела, видно, сказать что-то, потом откинулась на кушетку и засмеялась...

— А что, говорит, можете вы его в лакеи к себе определить?

— Генерал и обрадовался: „Могу, говорит, если вы, моя королева, пожелаете...“

— Что же, говорит, возьмите, только жалованьем, говорит, не обижайте...

У господин Кругликова что-то вдруг сдавило горло. Он опустил голову, скрывая от нас лицо, и в комнате водворилось молчание. Даже Копыленков только глядел на писари широко открытыми, как будто удивленными глазами, не смея нарушить тишину, наполненную тяжким сознанием глубокого человеческого унижения...» (303).

В этой сцене не только ярко передана вся тяжесть ощущения героем состояния глубокого унижения, так многогранно разработанного Достоевским, но использована и форма, в которой выражено издевательство над достоинством человека в одном из наиболее популярных его романов. Это — низведение героя со стороны страстно любимой женщины, на руку которой он претендует, до степени лакея.

Изображение сцен унижения пропикнуто у Достоевского гуманистическим пафосом, болью за неправую человеческую личность. В некоторых же случаях Достоевский доводит страдания своих героев от поругания их личности до своеобразного извращения, когда мучительное чувство унижения превращается в свою противоположность — в наслаждение. Так, о герое «Двойника», когда он, «доведенный до последнего», «подпрыгивая на тряском экипаже своего ваньки», «поддразнивал себя», прямо сказал: «...растравлять таким образом свои раны в настоящую минуту было каким-то глубоким наслаждением для господина Голядкина, даже чуть ли не сладострастием» (1, 170). В «Игроке» мы встречаем прямое утверждение: «Есть, есть наслаждение в последней степени приниженности» (5, 229). Подобные настроения имеют место у героев и других произведений Достоевского.

Сходную противоречивость сообщил переживавшим своего героя и Короленко. Рассказывая о том, как генерал повез его к Раисе Павловне, т. е. о самом унижительном моменте своей истории, Кругликов в ответ на вырвавшийся у слушателя вопрос: «зачем?» — посмотрел «с выражением, в котором смешивалась старая печаль и тщеславие». «Свато-с, — ответил он не без гордости» (302. Курсив мой, — Т. М.).

Во втором эпизоде — в столкновении Кругликова с Арабским — мотив унижения также является ведущим. Рассказав, как в ответ на требование уплаты прогонов Арабин «сильным ударом» свалил писаря с ног, Короленко пишет: «Через несколько мгновений Кругликов поднялся с пола, и тотчас же мои глаза встре-

¹⁶ См.: Короленко В. Г. Полн. собр. соч., т. 3, с. 366.

тились с его глазами. Я невольно отвернулся. Во взгляде Кругликова было что-то до такой степени жалкое, что у меня сжалось сердце, — так смотрят только у нас на Руси!.. Он встал, отошел к стене и, прислонясь плечом, закрыл лицо руками. Фигура опять была вчерашняя, только еще более убитая, пришибенная и жалкая» (309).

Ясно выраженный общественно-политический аспект, который приобретает здесь мотив унижения, весьма показателен для Короленко вообще и совершенно органичен в концепции рассказа. Достоевскому же, у героев которого стремление упизвить ближнего нередко носит чисто психологический характер, как властолюбивая игра самолюбий, он мало свойствен.

Так своеобразно, преломленный через призму общественно-политического мировоззрения Короленко, отразился в рассказе «Ат-Дава» один из самых характеристичных для Достоевского мотивов, мотив унижения святая святых — человеческой личности.

5

Сюжетно-композиционным и идейным центром многих романов Достоевского является преступление. В рассказе «Ат-Дава» важнейшее звено сюжета, кульминационный момент в развитии конфликта тоже составляет преступление. Как и у Достоевского, оно играет здесь отнюдь не роль внешней пружины действия, но имеет глубокий этико-социальный смысл. Внутренне мотивированное, оно повышает драматизм произведения, служит решению поставленной в нем проблемы и способствует углубленному проникновению в психологию «маленького человека».

Преступление в рассказе Короленко имеет значение и для «внутреннего диалога» героя, решает исход борьбы между смиренiem и протестом в его душе. Преступление является *формой проявления протеста и, таким образом, знаменует его победу над рабской покорностью*. Кругликов — «все-таки не лакей» и не «Молчалин». Как ни силен в нем трепет перед начальством, наступил момент, когда в нем проявился «Кусакин».

В сцене вынужденного «сватовства» с большой правдой показано, как в робкой душе, подвергнутой предельному унижению, внезапно рождается чувство резкого протеста, толкающее на безумный поступок. Покорность оборачивается своей прямой противоположностью, завершается внезапным взрывом — выстрелом в соперника.

В этой сцене перед читателем типичная для художественной системы Достоевского ситуация «кризисов и переломов», «поворотов души» и «оsxоморожных сочетаний» (решившись на выстрел, «даже засмеялся»), о которых неоднократно говорит М. Бахтин.¹⁷

¹⁷ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 3-е. М., 1972, с. 103, 110, 124, 267 и др.

С проявлениями протеста малосильного обиженного человека мы встречались и в петербургских повестях Гоголя, когда типичнейший Акакий Акакиевич в предсмертном бреду «сквернохульничал и произносил самые страшные слова», и в педоумных вопросах Поприщина, желавшего дознаться, «отчего произошло все эти разности», и в «либеральных» мыслях Девушкина. Ясно выражен мотив протеста и в «Двойнике», герой которого мечтает «протестовать, и протестовать всеми силами до последней возможности» против «затирания его в ветошку» (4, 168).

Выражение протеста со стороны героя Короленко — стихийная реакция на горькую и незаслуженную обиду. В нем не содержится обобщенных мыслей о несправедливости существующего, хотя впоследствии Кругликов признавался, что его «размышление одолевает» (289). Но из всех названных здесь повестей только герой Короленко реагирует действием на оскорбление. Действие это в данных обстоятельствах принимает форму уголовного преступления, и совершено оно при этом так, что отталкивает героиню, жаждавшую от своего жениха рыцарского прямошия в борьбе за любовь: — «Господи, говорит, сзади... подкрался... какая шизость...» (304).

Те формы борьбы с соперником, которые подсказывались книгами, увлекавшими героиню, — выступление с оружием в руках — в современных жизненных условиях неизбежно обернулись бы уголовнонаказуемым актом. И не случайно ниже как отголосок чтения всплывает по отношению к Кругликову имя Ринальдо Ринальдини. Современная жизнь не отрицает героизма, но требует совершенно иных форм проявления человеческой доблести — такой вывод подсказывает «мотив чтения» и дальнейшее развитие действия.

Психологические же основы преступления Кругликова, как они раскрыты Короленко, — те самые, о которых Достоевский говорит в «Записках из Мертвого дома». Вскрывая источник неожиданного буйства каторжников («точно бес в него влез»), Достоевский пишет: «... это — тоскливое, судорожное проявление личности, инстинктивная тоска по самом себе, желание заявить себя, приниженную личность свою, вдруг появляющееся и доходящее до злобы, до бешенства, до омрачения рассудка, до припадка, до судорог» (4, 67).

Как видим, совпадение в толковании психологии преступления (одного из его видов по крайней мере¹⁸) и у Короленко, и у Достоевского в приведенных выше словах вытекает у обоих писателей из сходного понимания человеческой личности, свойственных ей стремлений к самоутверждению. Это понимание можно выразить словами Добролюбова, заключающими статью о Достоевском: «... большая часть этих забытых, которых считали, может быть,

¹⁸ У Короленко, не говоря уже о Достоевском, есть произведения, в которых преступления совершаются по другим мотивам, например «Убивец».

пропавшими и умершими нравственно, — всё-таки крепко и глубоко, хотя и затаенно даже для себя самих, хранит в себе живую душу и (вечное, неисторжимое никакими муками) сознание своего человеческого права на жизнь и счастье».¹⁹

Но помимо этой общей психологической стороны вопроса, в «Записках из Мертвого дома» мы находим, как нам кажется, конкретный прообраз истории кругликовского преступления. Это — «Рассказ Баклушина», вписанный автором в главу IX части первой. Сюжетный стержень «Рассказа Баклушина», идущего, как и рассказ Кругликова, от первого лица, совпадает с сюжетной схемой первого эпизода «Ат-Давана». Там тоже речь идет о ссыльном, в молодости стрелявшем в человека, который, пользуясь преимуществами своего положения, стал между ним и его невестой. Показателем и аналогичный приступ к рассказу своей истории у Кругликова и у Баклушина. История Баклушина имела и свой «второй эпизод», соответствующий столкновению Кругликова с Арабиным, но поданный в сжатой форме. Объясняя причины своего столь серьезного наказания, Баклушин рассказал о своем резком принципиальном выпаде против члена комиссии, судившей его за убийство соперника.

Мы не можем безоговорочно решить, сознательно ли, «с памятью о Достоевском», Короленко использовал вставной рассказ из «Записок из Мертвого дома». Но если даже отрицать зависимость одного литературного образца от другого, то близость событийного материала и его психологической трактовки свидетельствует о серьезных «точках схода» у столь разных художников.

Мотив преступления имеет в «Ат-Даване» еще одну — общественно-политическую сторону, свидетельствующую о принципиальных расхождениях авторов «Ат-Давана» и «Записок из Мертвого дома».

Известно, какие споры на протяжении всего XIX века велись в русском обществе по вопросу о преступлении и какую противоречивую позицию занимал в этом споре Достоевский. Не раз вступавший в полемику с революционными демократами, объяснявшими преступность социальными причинами, автор «Записок из Мертвого дома» сам рассматривал преступление как одно из ярчайших проявлений неблагополучия социальной жизни.

Короленко был последовательным сторонником мнения, разделяя его с революционными демократами, что преступления рождаются социальными условиями — «общим порядком жизни».

В дневниковой записи 1888 г. Короленко упрекнул Достоевского в том, что он, изображая человека, «отвлекается» от «внешних соотношений», не даст «среду, общество»: «Какие нити шевелит в нем оно преимущественно, как оно шевелит их, отчего!».²⁰

¹⁹ Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. VII. М.—Л., 1963, с. 275.

²⁰ Короленко В. Г. Дневник, т. 1, с. 178—179.

В своем произведении Короленко едва ли не с полемической четкостью стремился обозначить, «как и какие нити» чувств его героя «дергала жизнь». В этом отношении рассказ Кругликова о своем прошлом — это не столько исповедь о содеянном им, сколько история о том, как его довели до преступного деяния.

Раскрывая драму Кругликова, человека, в натуре которого не заключалось никаких задатков преступности, Короленко рассматривал ее финал не как завершение чисто психологического процесса, а как закономерное следствие определенных внешних обстоятельств. Эти обстоятельства понимались автором «Ат-Давана» широко — как выражение определенного общественно-политического правопорядка, и вполне конкретно — как те «внешние соотношения», в тиски которых попал герой его рассказа.

Среди конкретных обстоятельств, определивших состояние Кругликова, предшествующее преступлению, весьма показательна такая деталь: преследования довели Кругликова до болезни, типичной для мира Достоевского, — припадков эпилепсии.

6

Выстрел и, как его следствие, ссылка в Сибирь — развязка первого конфликта «маленького человека» с действительностью, представшей перед ним в лице статского советника Латкина. Как и герой Пункина, Голя, Достоевского, Кругликов в конечном счете потерпел крах. Но именно в развязке событий в наибольшей степени проявилась творческая самостоятельность Короленко.

Прежде всего катастрофический финал истории Кругликова — не только следствие законов суровой действительности и неравенства сил, но и кара за поведение самого героя, не обнаружившего в свое время нужной решительности. Эта сторона, отсутствующая в произведениях прошлого, весьма ясно подчеркнута Короленко.

С другой стороны, автор «Ат-Давана» вносит некоторые ограничения в безусловность поражения своего героя хотя бы тем, что не сделал победителем главный виновник драмы — Латкин. Героиня отказала ему в отличие от Вареньки Доброселовой, ставшей женой своего обидчика, и вышла замуж за достойного человека, уважаемого и Кругликовым.

Но несмотря на смягчающие его положение обстоятельства, Кругликов и после многих лет не испытывает ни раскаяния в содеянном, ни примирения со своей участью. Наоборот, в нем растет язвучая обида и сознание несправедливости совершившегося. Таким образом, в рассказе Короленко с большей энергией развернут мотив глубокой непримиренности героя со своей судьбой.

Во втором эпизоде порядок событий и исход их иной, чем в предыстории героя. В прошлом сначала имело место давление

на Кругликова, а затем — его реакция на это давление. В столкновении с Арабиным начальным моментом оказывается непривычное для окружающих поведение «маленького человечка». Перед лицом «грозного Тойона» Кругликов ведет себя с величайшим деловым достоинством, с бесстрашной принципиальностью. Он настойчиво и спокойно требует прогонов. Спокойная решительность Кругликова — его поведение — и определяет дальнейшее.

Основным следствием столкновения Кругликова с Арабиным были не унижительные побои, которым подвергся несчастный писарь, а уплата Арабиным прогонов, т. е. победа Кругликова, победа законности над произволом.

Значительность этого факта подчеркивается реакцией на него Копыленкова: «— Уплатил! — произнес он с величайшим изумлением. — Слышишь ты, Кругликов? Ведь это, смотри, прогоны. Ах ты, братец мой!.. Вот так история!» (314).

Значение этого факта в рассказе Короленко исполнено принципиального смысла. Именно здесь реализуется глубокая убежденность Короленко в том, что «момент» героизма «хотя бы в микроскопических дозах все же присутствует в каждой почти душе». ²¹ Для маленького станционного писаря восстание против буйного курьера было проявлением подлинного героизма. И здесь, перед читателем уже не «судорожное проявление личности», а обоснованный гражданский поступок с показательной для Короленко ссылкой на закон.

У Достоевского даже герой — «лицо», вооруженное незаурядной силой мысли и воли, в своем столкновении с миром зла неизбежно терпит поражение. У Короленко победа дается одному из «малых сих». Именно в финале явно отражается новый этап исторического развития русской общественности, русской литературы, своеобразие позиции Короленко. Финал «Ат-Давана» — это апофеоз непримиримости, противления — воплощение одной из ведущих идей всего творчества Короленко.

В рассказе Короленко важна и другая сторона дела. Признавая всю силу объективного хода вещей, Короленко не считает «внешние обстоятельства» непреодолимыми. Поэтому Арабин, который осмысливается писателем как «характернейшее явление торжествующей безнаказанности, возможное только среди нашего произвола и нашего бесправия», ²² представляет для него

²¹ Письмо В. Г. Короленко к Н. К. Михайловскому от 2 января 1888 г. (В. Г. Короленко о литературе. М., 1937, с. 465). В этом своем убеждении Короленко совпадал с революционными демократами. П. Г. Чернышевский в статье «Не начало ли перемены?» (1851) писал, что и в жизни самого цюжннго, самого бесцветного, слабохарактерного человека «бывают <...> минуты энергических усилий, отважных решений» (Чернышевский П. Г. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, с. 877).

²² См.: письмо Короленко к С. П. Кривенко от 28 ноября 1892 г. В кн.: Короленко В. Г. Избранные письма, т. II. М., 1932, с. 62.

и такой предел разложения государственного порядка, который внушает убеждение в необходимости борьбы и возможности победы.

Короленковский курьер, близкий в своем существовании многим персонажам Щедрина, заставляет нас вспомнить и «отвратительную картинку», оставшуюся на всю жизнь в памяти Достоевского: мчащийся на тройке фельдъегерь, который, не переставая, колотит по затылку ямщика, а ямщик пестово хлещет кнутом лошадь. Запечатленная в «Дневнике писателя» за январь 1876 г. (XI, 169—170), эта сцена привлекла внимание Короленко. Он упоминает о ней в «Истории моего современника». ²³

В образе Арабина типизировано то же явление русской действительности, которое предстало Достоевскому в сцене с фельдъегерем. Здесь еще одна точка соприкосновения «Ат-Давана» с творчеством Достоевского. Но курьер Короленко уже тропит чертами ущербности, лишен непоколебимой силы. Это выражается не только в уступке Кругликову, но и в развязке его карьеры. Ведь не случайно, «забегая вперед», писатель на страницах рассказа сообщает, что в конце концов непосредственное начальство Арабина вынуждено было отказаться от его услуг.

Понимание обреченности современного порядка и питало социальный оптимизм писателя, соответствовавший новой исторической эпохе.

Из сказанного вырисовывается и своеобразие композиционной структуры рассказа Короленко. «Ат-Даван» построен по принципу контрапункта: повторением на новом уровне во втором эпизоде ситуации первого с контрастным ходом событий и иной развязкой. Так, по наблюдениям Л. П. Гроссмана, построены «Записки из подполья» Достоевского. ²⁴

Но при несомненном композиционном сходстве произведений двух авторов резко выступает их различие.

Из истории с приятелями «парадоксалист» в конце концов вышел с известным достоинством, написав одному из них принужденно прозвучавшее извинительное письмо («спас свою репутацию»). История же с Лизой завершилась его полным моральным посрамлением.

Соотношение частей «Ат-Давана» прямо противоположно по своему характеру «Запискам из подполья». В первом эпизоде доминируют черты слабости героя, приводящие его к поражению. Второй — завершается не только победой над сильнейшим врагом, но и торжеством, хотя и временным, в самом маленьком человеке человека с большой буквы, человека-гражданина.

²³ Короленко В. Г. Собр. соч., т. 5. М., 1953, с. 242.

²⁴ См.: Творчество Достоевского. М., 1959, с. 342.

Для романов Достоевского показательна своеобразная группировка основных персонажей, особая система противопоставлений и аналогий («антиподов» и «двойников»). Признаки подобной системы улавливаются в подборе действующих лиц и в рассказе «Ат-Даван».

Прямым антиподом главного лица — Кругликова — является Латкин и еще в большей степени Арабин — с гипертрофированной силой властного воздействия на окружающих, превышающей истинное значение его личности и его положения.

Большое значение имеют в рассказе два, на первый взгляд, второстепенных персонажа: слугник героя-повествователя купец Копыленков и студент-естественник, учитель Раисы Павловны, типичный шестидесятник писаревского толка Дмитрий Орестович. Каждый из них корреспондирует с одной из двух основных сторон душевного строя главного героя.

Оценки Кругликова студентом и Копыленковым — это оценки с двух совершенно противоположных позиций, направленные при этом на антипомичные черты личности героя.

«Противопоставление одному герою двух героев, из которых каждый связан с противоположными репликами внутреннего диалога первого, — типичнейшая для Достоевского группа», — не без оснований утверждает М. Бахтин.²⁵ Именно такую группу составляют три названные персонажа: Кругликов, Копыленков, студент.

Копыленков — несомненный «двойник» Кругликова, существенно, однако, от него отличающийся. В его образе воплощены доведенные до предела слабые черты личности главного героя. Копыленков — принципиальный сторонник смирения и угодничества, носитель обывательской мудрости приспособленчества. Копыленков — один из двух слушателей истории Кругликова и свидетель его столкновения с Арабиным. В его коротеньких репликах по течению рассказа и в его отношении к поведению писателя явно раскрывается его реакционная политическая позиция. С этой позиции он и дает отрицательную оценку главного героя, сосредоточив при этом исключительное внимание на той стороне его личности, которая враждебна его благонамеренной настроенности.

Сочувственно выслушав любовную историю героя («разжалобился»), Копыленков резко осуждает ее финал: «Вредный человек-с, самый опасный, д-да! Вы вот рассудите-ка о его поступках. Ну, захотел он тогда, в Кронштадте-то в этом, начальника уважить — и уважь! Мало ли их, невестов этих. От одной отступился, — взял другую, только и было. А его бы за это чело-

воком сделали. Нет, он, вот посмотрите, как уважил... из ни-столега!» (312).

Еще резче отзывается купец о поведении Кругликова по отношению к Арабину: «Дубина ты, а не закон тебе! Пашелся тоже большой человек — начальнику законы указывать...» (312).

Отражение перипетий рассказа Кругликова и разыгравшейся далее драмы в оценках Копыленкова оттеняет все лучшее в главном герое, помогает воспринять личность писателя в ее сложности. Сближаясь с Копыленковым в чиновничестве, в целом Кругликов стоит на голову выше преуспевающего купчины.

Явно выраженным антиподом Копыленкова, бросающим свет на личность мелкого чиновника с других, политически прогрессивных позиций, является в рассказе студент Дмитрий Орестович. Впоследствии видный ученый, он выступает в рассказе как воплощение разума, воли, чувства собственного достоинства, внутренней независимости и жизненной целеустремленности. Его достижения и общественную позицию демонстрирует написанная им книга, которую Кругликов с гордостью показывает своим слушателям. Молодой ученый-шестидесятник оказывается и фактическим победителем в борьбе за руку героини.

В личности студента воплощены положительные потенции главного героя, неумиряющее чувство протеста, сознание нарушенной справедливости. Одновременно его пренебрежительно-ироническое отношение к Кругликову заостряет в восприятии читателя слабые черты героя: его нерешительность, рабскую зависимость от стоящих над ним, неумение преодолевать препятствия. Но порой молодой писаревец слишком суров по отношению к «маленькому человеку». Его суждения страдают односторонностью и потому неверны. Так, студент заблуждался, заявив: «Ну, так я и знал. Хорошо, нечего сказать, принц венский...», т. е. ошибочно предположив, что Кругликов добровольно явился «сватом» к Раисе Павловне. Он видит только одну, слабую сторону личности главного героя.

Если в столкновении с Латкиным и Арабиным подвергается политическому испытанию характер «маленького человека», то в полярных суждениях Копыленкова и студента ведется принципиальный спор о главном герое, воплощающий основную проблему произведения, тот спор, который в «Наброске драмы» выражен в фамилиях: «Молчалин» или «Кусакин»? Если для писаревца он — Молчалин, то для Копыленкова он — «Ринальдо Ринальдини» — Кусакин (291).

Суждения двух столь разных персонажей обнаруживают несостоятельность однолинейных оценок. Явление сложней, многогранней в своем существе. Только множественность аспектов обеспечивает, без явного вмешательства автора, объективную и справедливую оценку человека и его поведения. В этой сложности подхода к явлениям жизни, к «человеческой природе» — глубокое родство писателей. В оценке с разных точек зрения

²⁵ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского, с. 442.

проявляется и сходство художественных средств раскрытия этой сложности.

Используя принцип группировки персонажей, типичный для Достоевского, Короленко дал совершенно иное, чем у автора «Преступления и наказания», распределение красок.

У Достоевского идею смирения обычно воплощают положительные герои (София Мармеладова, Алеша, Зосима). Короленко же, которому было ясно, какие социальные силы являются носителями философии покорности, связал с идеологией смирения не человеколюбие и самоотверженность, а все низменное, корыстное, отталкивающее. Высокие же человеческие качества создатель «Ат-Давана» отдал представителю передовой молодежи 60-х годов (несмотря на известную ограниченность его позиции). Такое соотношение сил совершенно немыслимо у Достоевского, который революционно-демократическую среду всегда изображал искаженно отрицательно.

Так и в расстановке персонажей при сходстве приемов выразилось принципиальное отличие идейной позиции Короленко от позиции автора «Братьев Карамазовых».

8

«Ат-Даван» В. Г. Короленко — знаменательная веха в развитии темы мелкого чиновника в русской классической литературе XIX века. Продолжив гуманистическую и демократическую традиции предшествующей литературы, Короленко создал произведение, несущее печать новой эпохи, мировоззрения и творческой индивидуальности автора.

В отличие от писателей прошлого мелкий чиновник был для Короленко не только порождением общественного неравенства, «тружеником, сброшенным на самый низ социального здания»,²⁶ лицом страдательным. Он был и низовым исполнителем велений верховной власти или, как выражался писатель, «мелким ее агентом»²⁷ и, таким образом, вольным или невольным участником царствующего повсюду произвола. Вместе с тем он был и гражданином, членом общества.

В 80-е и особенно в 90-е годы, когда завершался «Ат-Даван», неотложной общественной задачей стала проблема гражданской активности широких слоев населения. «Идея пробуждения дремлющей силы народа»,²⁸ составляющая стержень всего творчества Короленко, углубляется, распространяется на все более широкий круг социальных явлений. В поле творческого внимания писателя закономерно вошел и огромный по своей численности слой мел-

²⁶ Кирпотин В. Я. Ф. М. Достоевский. Творческий путь (1821—1853). М., 1960, с. 233.

²⁷ Короленко В. Г. Полн. собр. соч., т. 3, с. 364 (статья «Современная самозванщина»).

²⁸ Бялый Г. А. В. Г. Короленко. М.—Л., 1949, с. 200.

кого чиновничества. В раздумьях писателя об основах русской государственности, в его борьбе против правительственных беззаконий вопрос о возможности воспитания гражданского сознания во всех слоях русского общества, в том числе и в низшем чиновничестве, приобрел для него особую остроту. Это и определило своеобразный — короленковский — аспект темы мелкого чиновника.

Если новаторский смысл первого романа Достоевского — в утверждении нравственной ценности «маленького человека», в «очеловечивании чиновника», то новаторство Короленко — в постановке вопроса о его общественных возможностях, о его гражданской ценности.

В этом плане представляет интерес отчеркнутое Короленко следующее место в дневнике А. И. Герцена: «Мелкие чиновники — не худшее сословие в России, пора перестать исключительную стрельбу по маленьким взяточникам, довольно ругали титулярных советников и канцелярских, пора иронию возвести в чин».²⁹

Короленко и «возвел иронию в чин», направив ее на относительно крупных представителей бюрократии. Но одновременно он «возвел в чин» и мелкого чиновника, предъявив ему высокие требования не только как к человеку, но и как к гражданину.

Противоречие между ролью мелкого чиновника как «агента» власти, т. е. в конечном счете орудия насилия, и его «гражданственностью», примирилось в сознании Короленко идеей законности. Гражданское чувство чиновника должно было, с точки зрения Короленко, прежде всего выражаться в отстаивании закона. На своем маленьком посту чиновник должен был неуклонно стоять на его страже.

Идея законности была одной из самых выношенных идей в политических взглядах Короленко. Эта та самая идея, которая прозвучала некогда в письме Белинского к Гоголю в числе «самых живых современных национальных вопросов в России»: «... введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть».³⁰

Свои силы талантливого публициста и общественного борца Короленко постоянно отдавал «тяжбе» закона с беззаконием. Ход общественно-политического развития России был таков, что, как неоднократно отмечал писатель, «закон — воля самодержца, объявленная установленным порядком, — обращается в революционный лозунг...».³¹

²⁹ Васильева Г. А. Пометки В. Г. Короленко на страницах Дневника А. И. Герцена. — В кн.: Вопросы русской литературы. Вып. 2 (28). Республиканский межведомственный сборник. Львов, 1976, с. 29.

³⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X, М., 1956, с. 243.

³¹ Дневниковая запись 12 октября 1898 г. (см.: Короленко В. Г. Дневник, т. IV. Полтава, 1928, с. 37. См. там же, на с. 81, запись от 19 ноября 1898 г.).

В свете этого факта особый смысл приобретает апелляция Кругликова в его столкновении с Арабиним к закону, к «указу его императорского величества» и то, что законное требование прогонов Арабин расценил как бунт.³²

Выразительным публицистическим комментарием к рассказу «Ат-Даван» может служить заключительная часть статьи Короленко «Современная самозванщина», направленная против «язвы российского самодержавного строя» — беззакония. С величайшей четкостью наметив в ней два «исконных полюса русской жизни — произвол, с одной стороны, бесправие — с другой», Короленко считает «почти центральным эпизодом нашей комедии» позицию в ней «маленького человека».

«Если ящик, подошедший с просьбой показать „прогонный лист“, „постоит на своем праве“, — пишет Короленко, — похождения Раменского (самозванного ревизора, — Т. М.) кончены, ему не придется ни ревизовать, ни беспокоить высшее начальство нескольких уездов и даже губерний, так как маленький человек своим законным требованием разоблачит его самозванство в самом начале».³³

Здесь, как и в рассказе «Ат-Даван», ясно проявилось своеобразие политических убеждений Короленко, сильные и слабые стороны его демократизма. Надежды свои он полагал не на улучшение «сверху», а на представителей массы, на социальные низы в самом широком смысле слова. Это была программа общедемократической борьбы против самодержавия за обновление политического строя России.

С признанием в мелком чиновнике человека и гражданина связана главная идея «Ат-Давана» — утверждение плодотворности и красоты противления, борьбы. Этой определяющей стороной своего содержания рассказа Короленко прямо полемичен по отношению к Достоевскому с его апологией смирения, идеализацией кротости.

Короленко и Достоевский, исходившие из общих гуманистических и демократических позиций, разошлись в содержании своего гуманизма и своих демократических взглядов, что и отразилось в идейной направленности их творчества.

Короленко относил себя к «тургеневской школе».³⁴ Он был прав в том смысле, что творческая манера Тургенева была ему ближе других. Не случайно П. Г. Чернышевский, характеризуя дарование Короленко, сказал: «Это большой талант, это тургеневский талант».³⁵ Но, как показывают исследования, и Тургенев не избежал в молодости влияния Достоевского, и в зрелом твор-

³² Слова об указе «его императорского величества» добавлены автором в 6-м издании «Очерков и рассказов» (1902).

³³ Короленко В. Г. Полн. собр. соч., т. 3, с. 359, 366—367.

³⁴ В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962, с. 321.

³⁵ См.: Морозова Т. Г. Н. Г. Чернышевский о В. Г. Короленко. — Изв. ОЛЯ АН СССР, 1953, т. XII, вып. 3, с. 271.

честве двух великих романистов при всем их различии можно установить известные параллели.³⁶

Короленко стоял на таком историческом и литературном перепутье, которое не могло не обусловить множественности воздействий на формирование его стиля. Вместе с тем анализ «Ат-Давана» показывает, как самостоятелен был его автор в творческом освоении художественного опыта своих предшественников.

Из романов Достоевского Короленко взял целый ряд мотивов и приемов художественного изображения. В «Ат-Даване» он применил их к произведению малого жанра. Получился необычный по художественной выразительности эффект. Поэтика Достоевского, несомненно, обогатила художественную систему Короленко. Автор «Бедных людей» и «Двойника» помог не только в разработке темы о мелком чиновнике. Мы чувствуем приобщение к опыту гениального романиста в целом ряде других созданий Короленко, в острой сюжетности его рассказов, в умении построить конфликтную ситуацию, в сложности психологических характеристик, в продуманной четкости группировки персонажей.

Использование элементов творческой системы писателя, чуждого по основным принципам его поэтики собственной манере Короленко, не создает впечатления двустильности, настолько смягчены и органично влиты эти элементы в собственный стиль Короленко, настолько строго они подчинены определенной идейно-художественной задаче.

Анализ «Ат-Давана» убеждает, с одной стороны, в широте художественного воздействия Достоевского на русскую литературу, а с другой — в еще недостаточно оцененном мастерстве Короленко, в богатстве и сложности его художественного наследия.

³⁶ См.: Виноградов В. В. Тургенев и школа молодого Достоевского. — Русская литература, 1959, с. 45—71; Бялый Г. А. Две школы психологического реализма (Тургенев и Достоевский). — В кн.: Бялый Г. А. Русский реализм конца XIX века. Л., 1973, с. 31—53.